

Индекс УДК 801.731

Код ГРНТИ 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-59-75

В.А. ВИКТОРОВИЧ*

Достоевский и «пушкинский вопрос»

«Пушкинский вопрос» — один из основных в русской литературной критике — сводится к тому, как понимать значение и место великого поэта в отечественной словесности, в становлении национальной культуры. Начиная с 1840-х гг., с выступлений Белинского и Гоголя, широкое распространение получает тезис о Пушкине как «только художнике» с отрицательными («реальная», а также славянофильская критика) или положительными (эстетическая критика) коннотациями. Новый уровень философско-эстетического осмысления феномена Пушкина предложил в своих статьях Ап. Григорьев, затем его концепцию развил и довёл до логического завершения Ф.М. Достоевский. Новизна подхода заключалась во внедрении категории «идеал», которая конкретизировала абстрактно-личностные положения эстетической критики в сторону ценностных установок народного мирозерцания. Концепция русской литературы, предложенная Достоевским (раскрытие сказанного Пушкиным последовавшими за ним писателями сродни проращиванию зерна), изоморфна природе христианской культуры. И там, и здесь развитие происходит из заданной точки: вначале сказанного Слова.

Ключевые слова: феномен Пушкина, русская критика, интерпретация, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, природа искусства, идеал, ценности христианской культуры

Фраза Ф.М. Достоевского, завершавшая его знаменитую речь 8 июня 1880 г., о том, что Пушкин «унёс с собою в гроб некоторую великую тайну», которую нам суждено «разгадывать» [1, т. 26, с. 149], осеняет все наши попытки постижения пушкинского феномена.

Научная литература на тему «Пушкин в русской критике» огромна, однако

за последние четверть века выделяются очень немногие неустаревшие обзорные работы [2, 3] на фоне большого количества предшествующих идеологически зашоренных (см., напр. [4]), а также исследования взглядов на Пушкина отдельных авторов: В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, П.В. Анненкова, А.В. Дружинина, А.А. Григорьева, славянофилов, религиозно-философских крити-

* **Викторович Владимир Александрович** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета.
E-mail: va_viktorovich@mail.ru

ков. Один из последних, С.Л. Франк, в статье «О задачах познания Пушкина» 1937 г. утверждал, что «исследование духовного содержания творчества и личности Пушкина и его значения, как в перспективе общечеловеческой духовной жизни, так и в русском самосознании, существует вообще лишь в первых, естественно ещё несовершенных зачатках; можно сказать, что оно только едва началось, и что к нему ещё совсем не замечается серьёзного интереса в русской мысли» [5, с. 424]. Инициативу познания Пушкина как «учителя мудрости» Франк, вслед за Д.С. Мережковским, отдаёт «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского. Работы о Достоевском как интерпретаторе пушкинского наследия ныне довольно многочисленны, выделим те из них, которые, на наш взгляд, находятся в русле, намеченном Франком [6–10].

Бесспорно, что Речь Достоевского совершила «геологический переворот» в представлениях о Пушкине. Между тем следует иметь в виду, что, во-первых, писатель долго шёл к ней, и, во-вторых, она стала кульминацией развернувшейся в XIX в. драмы русской критики, ставившей и решавшей «пушкинский вопрос». Многочисленные суждения Достоевского о Пушкине, разбросанные по художественным и публицистическим произведениям, письмам, записным книжкам, все вместе так или иначе отзываются на полувековую историю критической Пушкинианы и в итоге ведут к Речи 1880 г. (ил. 1–2) Суть «пушкинского вопроса» сводилась и сводится к тому, как понимать значение и место великого поэта в отечественной словесности, в становлении национальной культуры.

Первое приближение к масштабу явления мы находим в статье И.В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828). Критик вплотную подошёл к восприятию Пушкина как национального поэта, «основанием русского характера» провозгласив особого рода мирозерцатель-

ную «объективность» («способность забываться в окружающих предметах и текущей минуте») [11, с. 38–39]. Чуть позже в «Обозрении русской словесности 1829 года» он развил свою мысль и с «гибкостью и переимчивостью характера нашего народа» связал «общеευропейскую» окраску русского просвещения и «возможность будущего влияния на всю Европу» [11, с. 61]. Нетрудно заметить в этих мыслях зерно пушкинской концепции Достоевского¹.

Наиболее решительно о праве Пушкина на звание «русского национального поэта» заявил Гоголь в известной статье «Несколько слов о Пушкине» (1835), с цитирования которой Достоевский и начал Пушкинскую речь. Тем не менее в сороковые годы, когда будущий автор Речи вступал в литературу, преобладающей оказалась точка зрения, высказанная Белинским в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846). Критик заключал этот цикл словами: «Пушкин был по преимуществу поэт, художник, и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию как искусство, как художество» [13, с. 492]. К этому утверждению в принципе присоединился и Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), но, в отличие от Белинского, с требованием от поэзии «христианского, высшего воспитания»: «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше...» [14, с. 183, 159].

Понятие «художник» было ключевым в концепции Белинского. С одной стороны, за Пушкиным закреплялось место поэта, поставившего, наконец, в России «художество» на своё место, а с другой стороны, критик заявлял, что всё это — лишь начальная ступень в развитии искусства. Утвердившись как «созерцание», оно должно идти дальше, к высотам «мысли» [13, с. 286], законченного мировоззрения — и в этом плане для Белинского имена Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте (который

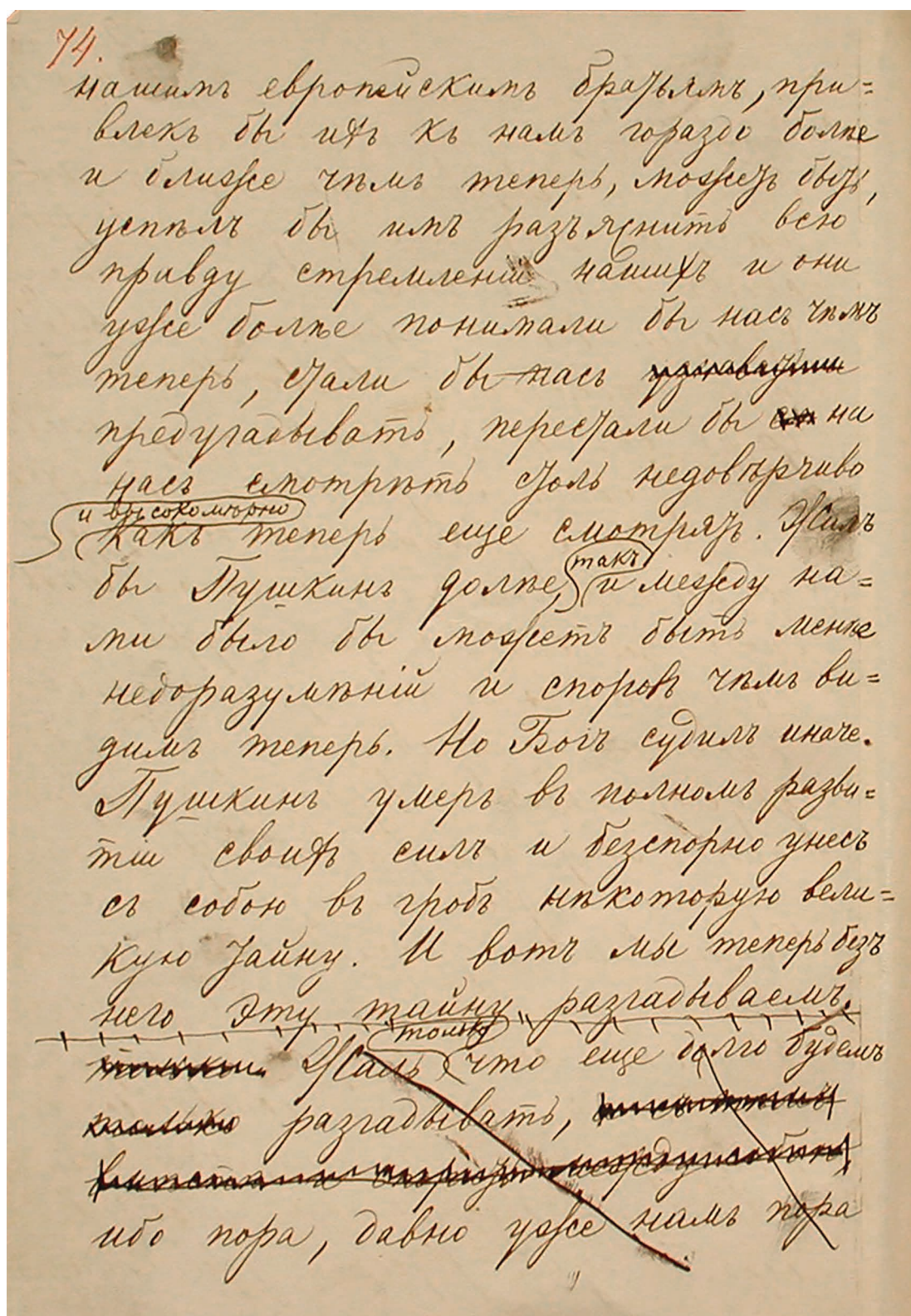
¹ Следует отметить, что Киреевский аккумулировал суждения о пушкинском «протеизме», появлявшиеся в прижизненной Пушкину критике (см.: [12]).

Ил. 1. Открытие памятника Пушкину в Москве. 1880. Гравюра с наброска Николая Чехова

«весь мысль»), несомненно, возвышались над именем Пушкина. За Пушкиным Белинский признавал роль воспитателя русского общества, но воспитателя *чувств*

«изящно-гуманных». Ссылаясь на мнение «читающей публики», Белинский не находил в поэзии Пушкина «нравственных и философских вопросов» и склонен был

Ил. 2. Последняя страница Пушкинской речи Ф.М. Достоевского.
Автограф. РГБ. Ф. 93. I. 2. 15. Л. 39 об.

объяснить это тем, что поэт «не мог выйти из заколдованного круга своей личности» [13, с. 289], чему уже научилась

европейская «образованность». В такой трактовке несколько расплывчатым оказывалось определение пафоса творчества

Пушкина как пафоса «гуманности». Когда Белинский чуть приоткрывал завесу над этим понятием, трактуя его как «уважение к достоинству человека как человека» [13, с. 492], что было сделано в последней, 11-й статье цикла, он начинал противоречить самому себе: «уважение к достоинству человека» — уже не «созерцание», а именно нравственная и осознанная мировоззренческая позиция.

Внутренняя противоречивость пушкинской концепции Белинского — проявление общего противоречия его эстетики. Склоняясь к преимуществам гоголевского типа художника, критик само понятие «мысль» всё более соотносил с категориями социального и даже социально-политического бытия человека. А последние связывались у него с обязательностью критического начала, социального протеста. Всего этого Белинский не находил у Пушкина.

Молодой Достоевский пребывает в общей утилитарно-дидактической парадигме постпушкинской эпохи. Так, в письме к брату 1 января 1840 г. он ставит Пушкина ниже Шиллера и Гюго с их «христианским, младенческим направлением поэзии» [1, т. 28, кн. 1, с. 70], подразумевая, что такого направления у Пушкина нет.

Из кружка, близкого Достоевскому, вышла книга А.И. Милюкова «Очерк истории русской поэзии» (СПб., 1847), где идеи Белинского были поддержаны (Пушкин — «только безусловный художник», с. 181) и в чём-то утрированы (лучшие сочинения Пушкина «те, в которых проявлялся элемент сатирический», с. 179). Весьма сдержанно, хотя и без резкостей, свойственных Милюкову, но и без особенных восторгов упоминает Пушкина в своих выступлениях другой единомышленник Достоевского — В.Н. Майков. В сороковые годы Достоевский, с детства поклонявшийся Пушкину и знавший многие его стихи наизусть, в целом хотя и отдался духу времени, однако подспудно созревали в нём иные возможности.

Интерпретация «Станционного смотрителя», введённая в «Бедные люди», могла быть прочитана двояко: и как способ ха-

рактеристики главного героя, поскольку интерпретация принадлежит ему, и как существенная поправка к воззрениям Белинского: больше нравственно, чем эстетически действует пушкинская повесть на Макара Девушкина. Существует мнение, что «Бедные люди» повлияли на некоторое изменение позиции Белинского, выразившейся в 11-й статье пушкинского цикла («Отечественные записки», 1846, № 10). Высказавший это мнение В.Я. Кирпотин основывался на том, что в данной статье Белинский поставил Пушкина рядом с Гоголем и назвал обоих родоначальниками «натуральной школы» [15, с. 54]. Лишь отчасти соглашаясь с этим суждением, обращаем внимание на другой факт, уже упоминавшийся выше: именно в 11-й статье Белинский «расшифровал» понятие гуманность как «уважение к достоинству человека как человека». В этой формуле можно усмотреть некоторые следы чтения «Бедных людей» и, в частности, интерпретации «Станционного смотрителя» Макаром Девушкиным. В целом же Белинский в 11-й статье дал очень невысокую оценку «Повестям Белкина», и уступка (если то была уступка) Достоевскому оказалась минимальной.

По определению В.Н. Майкова в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году», Достоевский в сороковые годы двигался от «социального» к «психологическому», и в этом движении он не мог не расходиться с Белинским. В своих показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев писатель подвёл итог сложным отношениям с ведущим критиком (хотя составлялся данный документ в специфических условиях, но нельзя не видеть в нём принципиальных установок автора). Защищая, вслед за Белинским, критическое начало в литературе, подследственный Достоевский обращался к здравому смыслу своих «читателей»: «Да и можно ли писать одними светлыми красками? Каким образом светлая сторона картины будет видна без мрачной, может ли быть картина без света и тени вместе?» [1, т. 18, с. 125]. Эта

равновесная позиция противоречила тому предпочтению, которое отдавал Белинский (а вслед за ним тот же Милюков) социальной критике. И естественно, что следом Достоевский определяет свой взгляд на литературу как «радикально противоположный взгляду Белинского» [1, т. 18, с. 127] и в доказательство ссылается на известную в литературных кругах свою «размолвку» с критиком. «Я именно возражал ему, что желчью не привлечёшь никого...» [1, т. 18, с. 127]. В этом суждении невозможно видеть лишь изворотливость обвиняемого. Достоевский уже в сороковые годы склонялся к пушкинской позиции (именно философской, мировоззренческой, чего не хотел видеть Белинский): «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» [16, с. 246].

Колеблясь относительно антипушкинских настроений нового времени, Достоевский в сороковые годы был всё же далёк ещё от того, чтобы сформулировать, хотя бы приблизительно (как это сделал когда-то И.В. Киреевский), позитивное содержание пушкинского универсального «художества».

Формула Белинского—Гоголя «Пушкин — только художник» прожила не одно десятилетие; так, уже в XX в. её активно продвигали В.Ф. Ходасевич и В.В. Набоков. В середине 1850-х гг. она стала одним из источников раскола русской критики на два противоборствующих направления: «реальной» и «эстетической» критики. Интересно, что оба направления полагали себя истинными наследниками Белинского, а в отношении Пушкина оба приняли указанную формулу, правда, трактуя её каждый по-своему.

Борьба вокруг Пушкина разгорелась после выхода в 1855 г. первого тома из собрания сочинений поэта, подготовленного П.В. Анненковым, где издателем были напечатаны «Материалы для биографии А.С. Пушкина», представлявшие первый научный свод сведений о биографии и творчестве поэта. Сам биограф (и критик) старательно следовал авторитетной

трактовке Белинского—Гоголя: «сущность поэзии» Пушкина в «исключительно художническом созерцании природы и человека». При этом «энергия», «поэтическая сила» соединяются с «изяществом планов и всех очертаний» [17, с. 383] — этих качеств, по Анненкову, вполне достаточно, чтобы из литературы образовать «науку *благородно* мыслить и *благородно* чувствовать, в которой Пушкин был учителем...» [18, с. 141].

Последняя сентенция, фундаментальная для эстетической критики, — вывод, который сделал Анненков-критик из исследования Анненкова-биографа и публикатора пушкинского наследия. Оставалось только выяснить, что подразумевать под словом «благородно». Анненков в конечном счёте (в последующих работах «А.С. Пушкин в Александровскую эпоху», 1874 и «Общественные идеалы Пушкина», 1880) свёл всё к защите либеральных ценностей. К тому же склонялся и И.С. Тургенев в речи о Пушкине, сказанной накануне речи Достоевского. Преодолеваемый «эстетиками» дидактизм сороковых годов возвращался в усовершенствованном варианте.

На другом полюсе русской критики всё было проще и прямее. Литературным манифестом обернулся отклик на анненковское издание — цикл из четырёх статей Н.Г. Чернышевского «Сочинения А.С. Пушкина» (1855), нарочито одноимённый с циклом Белинского. Чернышевский упростил концепцию своего предтечи, открыто введя категории «форма—содержание»: «Великое дело своё — ввести в русскую литературу поэзию как прекрасную художественную форму, Пушкин совершил вполне, и, узнав поэзию как форму, русское общество могло уже идти далее и искать в этой форме содержания» [19, с. 240–241]. Получалось, что Пушкин, достигнув «совершенства формы», не имеет достойного этой формы содержания («живого направления, касающегося общественных интересов, а не шекспировского спокойствия» [19, с. 203] — уточнял в другом месте критик), а потому, естественно, «принадлежит уже прошедшей эпохе» [19, с. 227].

Усиливая мысль, прозвучавшую у Белинского, Чернышевский вместе с тем утратил те начатки содержательной характеристики поэта, которые всё-таки были у предшественника. Мысль о «гуманности» Чернышевский, впрочем, припомнил в популяризаторской брошюре «А.С. Пушкин. Его жизнь и сочинения» (1856, переизд. в 1864 и 1885). Его преемник по критическому отделу «Современника» Добролюбов уже прямо отверг эту мысль Белинского, ограничив пушкинское «уважение к человеку как человеку» мелким «эпикурейским смыслом», прибавив, что «только Гоголь, да и то не вдруг вносит в нашу литературу гуманический элемент» [20, т. 7, с. 245]. Этот элемент Добролюбов находит в ранних произведениях Достоевского (статья «Забитые люди», 1861), тем самым уводя его от пушкинской традиции к гоголевской.

Иная реакция на анненковский труд последовала в статье А.В. Дружинина «Пушкин и последнее издание его сочинений» (1855). Критик эстетического направления также принял формулу Белинского—Гоголя (Пушкин — только художник), но сделал противоположные, по сравнению с Чернышевским, выводы из неё. Самоценность поэзии, провозглашённая когда-то и Белинским, делает поэта, полагал Дружинин, зависимым лишь от требований его личности, а значит, вполне свободным от давления эпохи, общества и т.д. «Если Пушкин ласково смотрел на нашу сельскую жизнь и если шутка его была незлобива, то на каком основании смеем мы требовать от него сатиры и карающего юмора?» [21, с. 60].

Некоторая односторонность критика очевидна (Пушкин не только «ласково» смотрел на русскую деревню), заслуга же его в том, что он сделал следующий шаг в осмыслении позитивного содержания пушкинской поэзии. Дружинин сформулировал это содержание в категориях «деликатность духа», «русская терпимость», «умение примирять противоположности», «незлобивость» [21, с. 47, 58, 60]. Чтобы иметь и защищать эти качества, утверждал

Дружинин, поэту требуется не меньше мужества, чем художнику-сатирику. По ходу статьи Дружинин отверг и предубеждение, разделявшееся Белинским, о недостатке образованности у Пушкина. Самое же главное, критик произвёл переоценку ценностей в тогдашнем «пушкиноведении». То, что осуждалось, он возвёл в ранг достоинства, а именно позицию поэта, который «не помнит зла в жизни, прославляет одно благо» [21, с. 61]. Ещё раз оговаривая некоторую односторонность этой оценки (её чрезмерная благость позднейшими «реальными» критиками будет приписана самому Пушкину и даст основание для нигилистических атак на него), мы должны отвести Дружинину одно из ключевых мест в истории познания Пушкина. Расставив новые акценты, он тем самым подготавливал переворот, который будет произведён Достоевским.

Следы чтения критических дискуссий вокруг анненковского издания мы находим в выступлениях Достоевского в журнале «Время» 1861–1863 гг. Однако есть свидетельства, что осмысливание «пушкинской ситуации» 1855 г. началось у Достоевского значительно раньше. В письме Е.И. Якушкину 15 апреля 1855 г. из Семипалатинска он благодарит за присланное анненковское издание Пушкина. Из дальнейшей переписки известно, что Достоевский упорно работал тогда над статьёй «Письма об искусстве». В письме к брату 13 сентября 1858 г. он сообщал, что у него уже «записано и набросано несколько литературных статей», и называл их темы: «о современных поэтах, о статистическом направлении литературы, о бесполезности направлений в искусстве» [1, т. 28, кн. 1, с. 316]. Темы эти, отчасти воплотившиеся затем в статьях для «Времени» (собственно, направление журнала заявлено было, по инициативе Ф.М. Достоевского, именно как свобода от партийной утилитарности), генетически восходят к спорам о Пушкине 1855 г. и особенно к суждениям сторонников эстетической школы.

Споры о Пушкине и в связи с ним о сущности искусства продолжались в русской журнальной критике всю вторую половину 50-х гг. и в начале 60-х (Н. Добролюбов, М. Катков, Ап. Григорьев, А. Станкевич, Е. Корш, Н. Ахшарумов, Б. Алмазов, С. Дудышкин). Голос Достоевского в этом разногласии прозвучал лишь в 1861 г. в журнале «Время»: «Ряд статей о русской литературе» («Введение», «Г. -бов и вопрос об искусстве», «Книжность и грамотность. Статья первая»), «“Свисток” и “Русский вестник”», «Ответ “Русскому вестнику”». Пушкинский вопрос не был главным в этих статьях, но он естественным образом возникал при постановке самых капитальных идей новой «почвенной» философии.

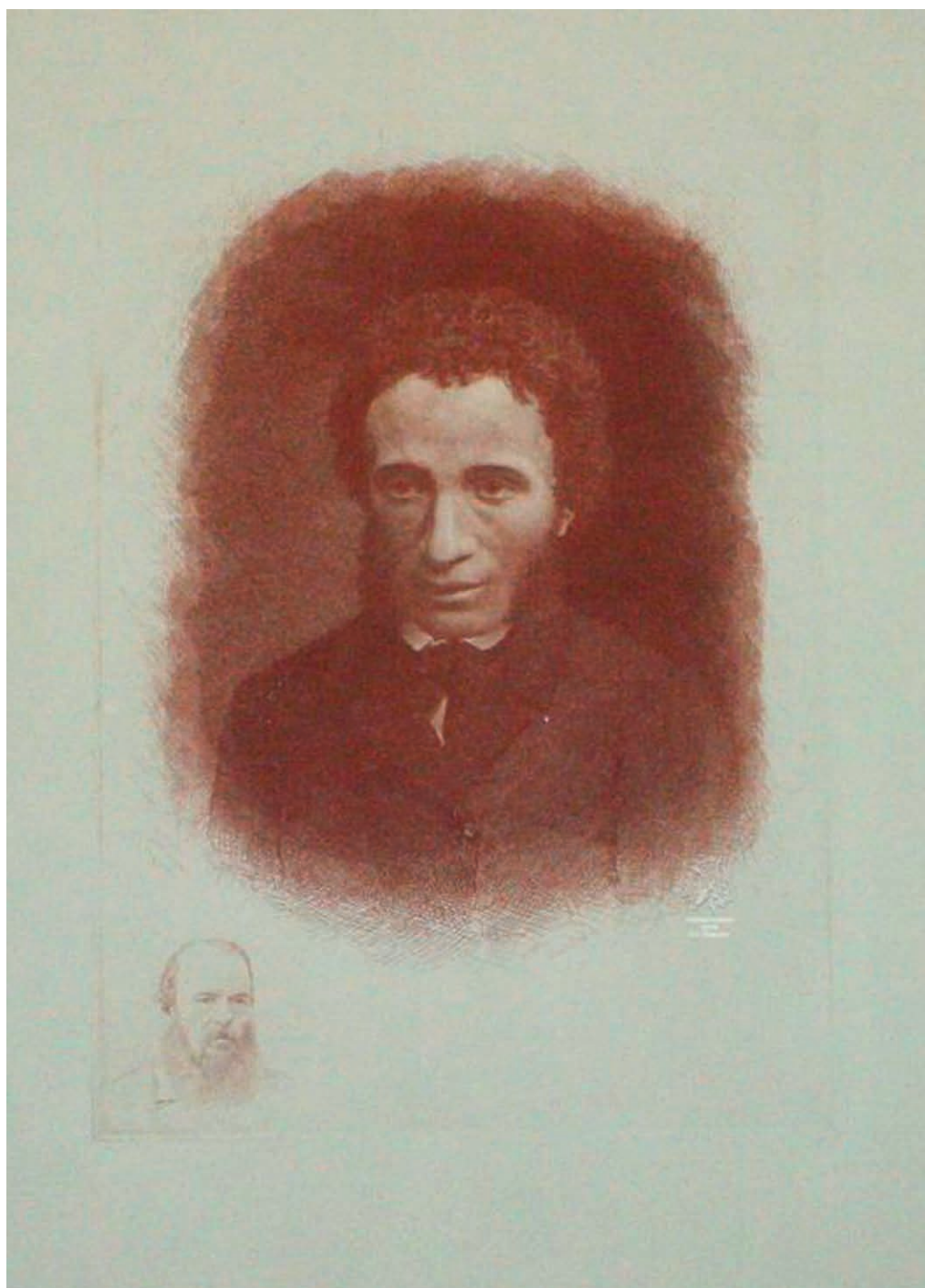
Проследим, как впервые в публицистике Достоевского явилось имя Пушкина. В объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г. обозначена программа нового издания, но имя поэта пока не упомянуто. В первой программной статье журнала «Введение» к «Ряду статей о русской литературе» («Время», 1861, № 1) оно названо лишь в самом конце: «Да, мы именно видим в Пушкине подтверждение всей нашей мысли» [1, т. 18, с. 69]. По логике Достоевского Пушкин в историческом процессе самосознания нации занял место между великими русскими реформаторами Петром I и Александром II, подавшим «пример к сближению» с народом [1, т. 18, с. 67]. Поставив Пушкина в этот ряд, Достоевский обнаруживает в явлении поэта свершившееся поворотное событие национальной жизни. «Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нём они явились нам во всей полноте, явились как факт, законченный и цельный...» [1, т. 18, с. 69].

Таков масштаб, смело приданный Достоевским Пушкинскому вопросу (ил. 3). Возни-

кавшие в связи с этим эстетические идеи он развернёт в следующей статье «Г.-бов и вопрос об искусстве» («Время», 1861, № 2). Не присоединившись ни к одной из спорящих сторон («реальной» или «эстетической»), Достоевский оказался тогда не между ними, а вне самого спора, в котором «вопрос <...> ложно поставлен» [1, т. 18, с. 73]. Так, немало нитей соединяет Достоевского с «эстетиками» (мысль о самоценности искусства), но не отвергает он и основной пафос «реалистов» (общественное значение искусства). Подняться над тупиковым характером спора, где каждый прав по-своему, обрести новое дыхание Достоевскому позволяет идея бытийственного смысла красоты. «Потребность красоты и творчества, воплощающего её, неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить на свете», поэтому «красота всегда полезна» [1, т. 18, с. 94, 95]. Красота, по Достоевскому, лежит в первооснове всякого человеческого, индивидуального и общественного, стремления к совершенствованию. Писатель и критик связал понятие красоты с категорией *идеала* и ввёл это разрешающее соединение в затянувшийся спор о Пушкине: красота «есть гармония; в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству его идеалы» [1, т. 18, с. 94]. При этом идеал, по Достоевскому, *такая же действительность*, как исторический факт, ибо она — «всегдашняя потребность человека»¹.

Развернув свою эстетическую программу, Достоевский обращается к Пушкину во всеоружии новых идей. Поэтому, опровергая мнение Добролюбова о стихах вроде «Я вас любил...» как «альбомных побрякушках» [20, т. 6, с. 170], он ставит вопрос не только о национальном, но и мировом

¹ Если трактовать произведённый Пушкинской речью Достоевского переворот лишь как торжество «национальной мифологии» (с заменой ключевого понятия «идеал» термином «миф»), история «пушкинского вопроса» предстанет дурной бесконечностью «повторения оппозиции “пророк” — “всего лишь поэт”»: «Если, выражаясь языком Достоевского, главные русские идеологические споры не что иное, как “великие у нас недоразумения”, то почему эти недоразумения не разъясняются и не преодолеваются?» [3, с. 28–29]. Недоумение исследователя может быть снято лишь при условии принятия «разъяснения» Достоевского, не путавшего «идеала» с «мифом».

Ил. 3. А.С. Пушкин с портретом-ремаркой Ф.М. Достоевского. 1880.

Художник Л. Дмитриев-Кавказский.

Государственный музей А.С. Пушкина, Москва

значении Пушкина, заходя куда дальше пределов, положенных поэту эстетической критикой. Введя в круг обсуждаемых понятий категорию идеала, Достоевский смог, наконец, разрешить проблему, бывшую камнем преткновения для русской критики — положительное содержание пуш-

кинского творчества: «...он есть полнейшее выражение направления, инстинктов и потребностей русского духа в данный исторический момент» [1, т. 18, с. 99].

Оспаривая мнение «эстетиков» и «утилитаристов», Достоевский, очевидно, из тактических соображений ни разу не упо-

мянул прямого своего предшественника, Аполлона Григорьева, на несколько лет опередившего его (см.: [22]). Григорьев, как впоследствии и Достоевский, не принял уровня, на котором обсуждался пушкинский вопрос во второй половине 50-х гг. «Одни хотят видеть в Пушкине отрешённого художника <...> — другие заставили бы жреца “взять метлу” <...>. А Пушкин — наше всё: Пушкин — представитель всего нашего душевного, особенного <...>. Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности...» [23, с. 166]. Процитированные строки — из статьи «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859). По утверждению С.Н. Носова, в письмах Григорьева из Италии Погодину и Майкову в 1857–1858 гг. были предложены «замечания и тезисы, предвосхитившие его позднейший культ пушкинского творчества» [24, с. 145]. Исследователь не заметил более раннего высказывания критика о Пушкине в статье «О правде и искренности в искусстве» (1856). Пушкин назван здесь «высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни, то есть своего народа и своего века». Художническая натура поэта, утверждал автор, освобождалась от «наносных влияний» и «стала возвышаться наконец до коренных народных созерцаний, даже до созерцаний религиозных, составляющих высшую поверку жизненных и народных стихий, входящих в понятие о нравственности» [25, с. 65–66].

О религиозных созерцаниях Пушкина писал ещё Анненков, но связывая их с возрастанием эпического начала у Пушкина, т.е. видя лишь эстетический аспект. Восприятие Пушкина Григорьевым было принципиально новым, особенно если учесть, что даже критика славянофильская, небезразличная к философско-религиозному началу творчества, не хотела признавать за «легкомысленным» Пушкиным права на такого рода созерцания. Разделяя ранее выраженный взгляд Достоевского [1, т. 20, с. 10] и публично (не случайно!) обращаясь именно к нему, Григорьев в 1864 г.

возмущался: «Как я буду делить с “Днём” равнодушие к величайшему проявлению наших духовных сил, к Пушкину» [25, с. 136]. Почвеннический критик настаивал на «нравственно-общественном значении» Пушкина и тем самым поднимал поэта над уровнем и славянофильской, и «реальной», и эстетической критики.

Тупик, в который зашла тогда славянофильская критика в постижении Пушкина, во многом напоминает затруднения критики «реальной». Славянофилам не доставало в Пушкине проповеднического начала, прямой пропаганды Слова Божия (в чём они сомкнулись не только с поздним Гоголем, но и с В.И. Аскоченским и критиками «Маяка»). Показательно признание А.С. Хомякова, что ему не хватает в Пушкине «способности к басовым аккордам» [26, с. 381–382]. Природа означенных заблуждений — в основном эстетического характера. Славянофилы исключали красоту из сферы прямого выражения идеала, Слова Божия, и отводили ей служебную, посредническую роль. Но точно так же «реальная» эстетика делала искусство пустой тарой для загрузки «полезного» общественного содержания.

Воздействию позитивистской эстетики в 60-е гг. были подвержены и столь различные между собой общественные направления, как консерватизм (М.Н. Катков) и либерализм (С.С. Дудышкин). Достоевский вступил в полемику с обоими названными критиками, поскольку и тому и другому Пушкин представлялся явлением недоконченным. Так, М.Н. Катков, в большой и весьма содержательной статье «Пушкин» («Русский вестник», 1856, январь–март) рассматривавший искусство как ценность гносеологического плана, готов был признать за поэтом заслугу выработки поэтического языка, но отказывал ему в способности передать на этом языке «всемирное» содержание. В эстетических (по существу, позитивистских) основаниях Катков недалеко ушёл от своего идейного противника Чернышевского. В других параметрах, но по сходным основаниям

С.С. Дудышкин отказывает Пушкину в способности передать «народное» содержание («Отечественные записки», 1860, № 4).

В начале 60-х гг. в статьях для журнала «Время» Достоевский ведёт полемику со всеми названными направлениями русской критики: «реальной», славянофильской, консервативной, либеральной. В этом многостороннем споре выстраивалась его собственная эстетическая концепция, выходящая из осмысления заданных Пушкиным начал.

От общих установочных деклараций («Введение» к «Ряду статей о русской литературе», «Г.-бов и вопрос об искусстве») Достоевский обращается затем к философско-эстетическому анализу конкретных произведений: «Египетские ночи», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Видение короля» («Ответ “Русскому вестнику”», «Книжность и грамотность»). Он находит у Пушкина не только «прелесть стихов», но и «внутренний смысл», то положительное содержание, в котором Пушкину было так дружно отказано, тогда как в нём есть «русский дух и русский смысл» и одновременно «общечеловеческие начала» [1, т. 19, с. 112, 16]. Народность и общечеловечность гения Пушкина — основополагающие постулаты Достоевского-критика, которые он не устаёт повторять в своих статьях начала 60-х гг., а затем в публицистике 70-х вплоть до Пушкинской речи. Следует видеть за этими постулатами конкретно-историческое их наполнение.

К какому конечному выводу стремятся известное прочтение «Египетских ночей» и выявление историко-психологического подтекста образа Клеопатры? «От выражения этого адского восторга царицы <...> вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш Божественный искупитель. Вам понятно становится и слово: искупитель...» [1, т. 19, с. 137]. В русской критике так никто, кроме Аполлона Григорьева, Пушкина ещё не читал.

«Видение короля», по Достоевскому, передаёт глубинное мирозерцание народа, выраженное в форме легенды [1,

т. 19, с. 15–16]. Самый сюжет пушкинского стихотворения — нравственная самоказнь преступника — ведёт к основной сюжетологеме будущих романов Достоевского, в генезисе которых очевидна связь с христианской нравственной философией.

Фигура летописца в «Борисе Годунове» для Достоевского — не поэтическая «игрушка» [1, т. 19, с. 9], а прорыв поэта в национальную онтологию. «Пушкин угадал самую основную суть того, что народ наш считал и считает за самую высшую нравственную красоту души человеческой: это — тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбие* <...>. Этою кроткою, смиренною и ничем не поколебимою любовью проникнута у Пушкина русская речь в Годунове» [1, т. 20, с. 229].

Достоевский не осуществил задуманного плана статьи «Письма об искусстве», о котором писал А.Е. Врангелю 13 апреля 1856 г. По замыслу это должна была быть статья «о назначении христианства в искусстве» [1, т. 28, кн. 1, с. 229]. В журнальных статьях начала 60-х гг., во многом выросших из данного замысла (как позднее романы писателя — из неосуществленного «Жития великого грешника»), Достоевский нигде напрямую не пишет об этом «назначении». Он ещё очень осторожен в вопросах исповедных (не то в публицистике 70-х, где эта тема выйдет наружу), однако неуклонно, последовательно, в том числе в своих трактовках Пушкина, идёт к означенной цели.

Для Достоевского, начиная от 60-х гг. и заканчивая знаменитой Речью, Пушкин — наиболее адекватное выражение духовной личности русского народа, той главной способности, в которой, может быть, и осуществляется её предназначение на земле, — способности к «всемирной отзывчивости». Пушкин, по Достоевскому, первый понял и первый осуществил это предназначение в слове. Слово поэта было его Делом. Достоевский настойчиво сопрягал эти два понятия, особенно в связи с Пушкиным, в критике 60-х и в публицистике 70-х [1, т. 18, с. 66; т. 19, с. 109; т. 25, с. 199, 246].

В заключении Пушкинской речи Достоевский сделал смелое предположение: если бы Пушкин не погиб так рано, судьба России могла быть иной. Слово, с точки зрения автора Речи, созидательно в самом прямом, материальном смысле, когда оно способно влиять на судьбу нации. В этом — фундаментальная идея всей Речи: Пушкин осмысливался как духовная реальность, как Слово, творящее новую реальность. В эстетике Достоевского, вообще говоря, красота понимается как сила творящая, *natura naturans* (ил. 4).

Особого рода сакрализация художественного слова даёт о себе знать в эстетике Достоевского с самых первых шагов его при вступлении в мир литературы. В письме к брату 1 января 1840 г. он пишет с романтическим возбуждением: «Ведь в “Илиаде” Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни, совершенно в такой же силе, как Христос новому» [1, т. 28, кн. 1, с. 69]. Тогда в этот ряд Достоевский не ставил Пушкина, полагая его в смысле выражения христианского мирозерцания ниже европейских романтиков Гюго и Шиллера. Решающий сдвиг в сторону Пушкина произойдёт лишь через 20 лет, но нам важно подчеркнуть тип эстетического мышления, высказавший себя уже у начинающего писателя. Этот тип имеет глубокие корни в особенностях религиозного сознания, внутри которого формировалась личность будущего художника. В иудео-христианском мирозерцании Бог есть прежде всего Слово. Однажды сказанное, а затем воплощающееся в эмпирии человеческой истории.

В записной книжке Достоевского читаем: «Не мораль Христова, не учение Христа спасёт мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть». И здесь же: «Мир спасает красота Христова»¹ [1, т. 11, с. 187–188]. В литературно-критических и публицистических выступлениях Достоевского, в заметках из записных книжек, в письмах мы находим своеобразную фрагментарную

историю русской литературы, представленную на фоне общеевропейского литературного процесса. Все эти фрагменты фокусируются имевшейся у Достоевского собственной концепцией литературного развития. История как мировой, так и русской литературы делилась им на четыре основных периода: литература богослужения, литература отчаяния, литература дела и литература красоты [1, т. 24, с. 160, 166–170]. Литература богослужения прямым, непосредственным образом выражала Слово Божие: это Библия и сопутствующие ей книги, в частности, создававшиеся в Древней Руси. Следующая затем литература отчаяния была отрицанием Слова Божия, парадоксальным образом послужившим обновлению идеала, очищению его от схоластики, догматизма и прагматических уклонов. В мировом литературном процессе это эпоха Возрождения, байронический романтизм, в русской литературе — её, по словам Достоевского, «демоны» Лермонтов и Гоголь. Литература дела — это попытка построить мир без Бога, в мировом процессе это эпоха Просвещения, давшая особенно обильные плоды в русской традиции во времена Достоевского у последователей Белинского. Наконец, литература красоты («Литература красоты одна лишь спасёт» [1, т. 24, с. 167]) — своеобразное возвращение к исходной точке развития. Однако это уже не литература богослужения, где ещё не было нужды в категории Красоты как обособленной от Блага, это светская литература, существующая в изрядно секуляризованном мире. С литературой богослужения её объединяет центральная фигура Христа, воспринятого как *идеал* Красоты. Понятие идеала нужно человеку, утратившему былую невинность простодушного верования, прошедшему через «горнило сомнений», через отчаяние безверия. Фактом такого возвращения к Христу было для Достоевского творчество Пушкина. Последний, таким образом, сыграл роль своеобразного посланника

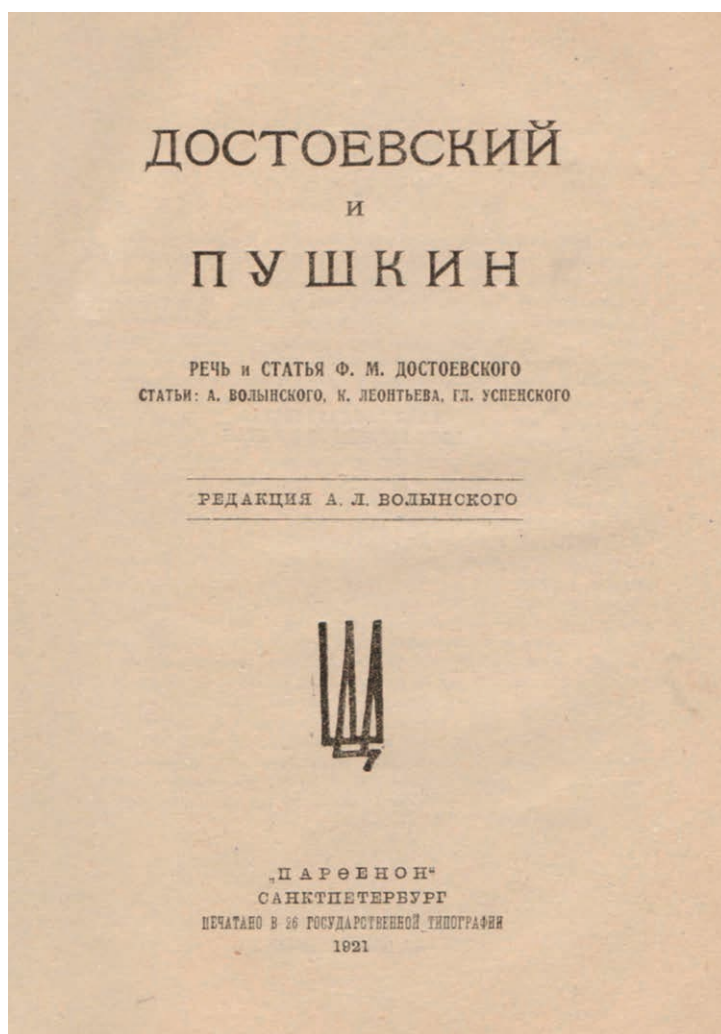
¹ Цитата уточнена по изд.: [27, с. 212].

Христа в новой русской истории, как она представлялась Достоевскому.

В современной писателю критике обсуждался вопрос о правомерности использования евангельского эпиграфа к светскому произведению — роману «Бесы». Достоевский поставил рядом два эпиграфа — из Евангелия и из Пушкина. Слово поэта и Слово Божие были сведены в единое измерение и образовывали некий мета-сюжет в предроманном пространстве: в пушкинском эпиграфе — вопрошающее отчаяние («Сбились мы, что делать нам?»), в евангельском — его разрешение. Пушкин задавал вопрос, евангелист отвечал на него. Поэтому для Достоевского, цитировавшего стихотворение «наизусть» [1, т. 29, кн. 1, с. 140], естественен был знак вопроса, а не восклицания, как на самом деле у Пушкина и во всех изданиях поэта¹.

В итоговой части Пушкинской речи находим место, где эти два имени — Христос, Пушкин — опять оказываются рядом. «Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю “в рабском виде исходил благословляя” Христос. Почему же нам не вместить последнего Слова Его? <...> По крайней мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения» [1, т. 26, с. 148]². Сближение это, как видим, было не случайной обмолвкой Достоевского, а естественным, закономерным венцом всей его литературно-эстетической программы.

Особое место Пушкина в русской литературе («все зачатки её были в нём» [1,

Ил. 4. Достоевский и Пушкин. СПб.: Парфенон, 1921

т. 25, с. 200]) — концептуальное ядро эстетики Достоевского. Вся национальная литература XIX в. представлялась ему исходящей из одного источника: «С Пушкина мысль идёт, развиваясь всё более и шире» [1, т. 19, с. 115]. В таком прочтении все последующие писатели (в современной ему литературе Достоевский выделял Гончарова, Л. Толстого, Тургенева, Островского, Некрасова, очевидно, осознавая и своё место в этой «плеяде») могли претендовать лишь на роль интерпретаторов пушкинских от-

¹ Не исполненная просьба Достоевского к редактору «сверить <...> эпиграф из Пушкина с изданием Пушкина» [1, т. 29, кн. 1, с. 140] стала основанием для текстологической поправки — возвращения на своё место «пушкинского» восклицательного знака [28]. Не оспаривая эту поправку с точки зрения выраженной прямо авторской воли, мы видим здесь *неслучайность* ошибочного цитирования.

² Цитата уточнена по рукописи Речи (РГБ. Ф. 93. I. 2.15. Л. 39).

крытий. По Достоевскому получалось, что вся русская литература нового времени (как и его собственное творчество) есть лишь прочтение Пушкина, экзегетика произнесённого им Слова. «У нас уже давно сказано своё русское слово. Блажен тот, кто умеет прочесть его» [1, т. 19, с. 112]. «Колоссальное значение Пушкина уясняется нам всё более и более...»; «вся плеяда эта <...> вышла прямо из Пушкина, одного из величайших русских людей, но далеко ещё не понятого и не растолкованного» [1, т. 18, с. 69; т. 25, с. 199]. Глубоко осознав герменевтический характер новой русской литературы, Достоевский столь же осознанно берёт на себя роль толкователя Пушкина.

Очевидна, на наш взгляд, изоморфность выдвинутой Достоевским концепции истории русской литературы относительно его общих взглядов на историю мировой культуры нового времени, имеющую источником Евангельское Слово («Христос весь вошёл в человечество» [1, т. 20, с. 174]). И в том, и в другом случае движение осуществляется из одной точки: Христос, Пушкин.

Достоевский по своим историко-культурным воззрениям не разделял ни оптимизма теории исторического прогресса (Лессинг, Кондорсе, Вольтер, Карамзин), ни пессимизма «регрессистов» (Руссо). Не могли устроить его также «циклическая» или «спиральная» модели исторического

развития (Вико, Гердер, Гегель). Все они в той или иной степени игнорировали проблему *идеала* как постоянно действующего фактора истории человечества. Так, гегелевский рационализм критиковался Ап. Григорьевым, единомышленником Достоевского, за то, что это «безотрадное из созерцаний, в котором всякая минута мировой жизни является переходною формою к другой, переходной же форме» и где человеческой мысли нет «малейшей надежды за что-либо ухватиться, в чём-либо найти точку опоры» [23, с. 130]. Опора же, по Григорьеву, может быть лишь там, где «идеал <...> не развивается», а «остаётся всегда один и тот же», люди «ищут его осязательно и возвращаются к сознанию его» [23, с. 151]. Теоретически данная модель исторического развития была формулирована романтиками (Шеллинг), а конкретно-исторически она связана с монотеизмом. Монотеистический тип культуры исходит из толкования однажды навсегда данного Слова Божия. Такова христианская культура с её герменевтической напряжённостью.

Можно сказать, что концепция русской литературы, предложенная Достоевским (раскрытие сказанного Пушкиным последователями за ним писателями сродни проращиванию зерна), изоморфна природе христианской культуры. И там, и здесь развитие происходит из заданной точки: вначале сказанного Слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Бочаров С. Из истории понимания Пушкина // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М.: ИМЛИ, Наследие, 1999. С. 144–177.
3. Маркович В.М. «Новое» и «старое» в суждениях русской зарубежной критики о Пушкине (1937 г.) // Пушкин и культура русского зарубежья. М.: Русский путь, 2000. С. 9–32.
4. Высочина Е.И. Образ, бережно хранимый: жизнь Пушкина в памяти поколений: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
5. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике, конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 422–452.
6. Дарский Д.С. Пушкин и Достоевский / Публ., вступ. ст., коммент. В.А. Викторovichа // Из истории филологии: Сборник статей и материалов к 85-летию Г.В. Краснова. Коломна: КГПИ, 2006. С. 171–192.

7. Михнюкевич В.А. Ф.М. Достоевский о Пушкине как народном поэте // Вестник Челябинского гос. университета. 1999. Т. 2. № 1. С. 22–29.
8. Тарасов Ф.Б. Евангельское слово в творчестве Пушкина и Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2011.
9. Викторович В. Путь русской литературы от Пушкина к Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 1. С. 12–20. DOI: 10.22455/2619-0311-2018-1-12-20.
10. Захарова О.В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 324–336. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC.
11. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984.
12. Пушкин в прижизненной критике: В 4 т. СПб.: Гос. пушкинский театральный центр, 1996–2008.
13. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 6. С. 74–492.
14. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 6. С. 5–193.
15. Кирпотин В.Я. Достоевский-художник: Этюды и исследования. М.: Советский писатель, 1972.
16. Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 239–246.
17. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М.: Современник, 1984.
18. Анненков П.В. Старая и новая критика // Анненков П.В. Критические очерки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 127–151.
19. Чернышевский Н.Г. Сочинения А.С. Пушкина // Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. С. 126–241.
20. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1961–1964.
21. Дружинин А.В. Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983.
22. Викторович В.А. «Новая мысль» Достоевского и Аполлон Григорьев // «Чужое: мое сокровище!»: сб. ст. памяти В.А. Кошелева / Отв. сост. А.В. Кошелев. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 278–284.
23. Григорьев Ап. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967.
24. Носов С.Н. Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. М.: Сов. писатель, 1990.
25. Григорьев Ап. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980.
26. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 8: Письма. М., 1900.
27. Тарасова Н.А. Установление текста на основании графологического анализа (на примере черновых рукописей романа Достоевского «Бесы») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2. С. 191–215. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-191-215.
28. Тихомиров Б.Н. Как печатать пушкинский эпиграф к роману Ф.М. Достоевского «Бесы»? // Русская литература. 2017. № 1. С. 245–246.

Dostoevsky and the “Pushkin Question”

Vladimir Aleksandrovich Viktorovich — Doctor of Philological Sciences (PhD); Professor of Russian Language and Literature Department of State University of Humanities and Social Studies.
E-mail: va_viktorovich@mail.ru

The Pushkin question is one of the key issues in Russian literary criticism. It has to do with the great poet's importance and position in Russian literature as well as the development of national culture. The idea that Pushkin was “just an artist” with negative (“real” and Slavophile criticism)

or positive (aesthetic criticism) connotations became popular in the 1840s, with speeches by Belinsky and Gogol. Apollon Grigoryev's writings offered a fresh perspective on the phenomenon of Pushkin from a philosophical and aesthetic standpoint. Fyodor Dostoevsky refined his idea and carried it through to its logical conclusion. The approach was innovative in that it introduced the concept of the ideal, which gave concrete form to the abstract personal provisions of aesthetic criticism in the folk value system. The concept of Russian literature proposed by Dostoevsky – that the writers who came after Pushkin developed his ideas in a way that was similar to grains sprouting – is isomorphic to the essence of Christian culture in that in both cases the development originates at the same point: the Word.

Keywords: phenomenon of Pushkin, Russian criticism, interpretation, F.M. Dostoevsky, A.A. Grigoryev, nature of art, ideal, Christian values

REFERENCES

1. Dostoevskii F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L.: Nauka, 1972–1990 (in Russian).
2. Bocharov S. Iz istorii ponimaniya Pushkina // Pushkin i teoretiko-literaturnaya mysl'. M.: IMLI, Nasledie, 1999. S. 144–177 (in Russian).
3. Markovich V.M. «Novoe» i «staroe» v suzhdeniyakh russkoi zarubezhnoi kritiki o Pushkine (1937 g.) // Pushkin i kul'tura russkogo zarubezh'ya. M.: Russkii put', 2000. S. 9–32 (in Russian).
4. Vysochina E.I. Obraz, berezhno khranimyi: zhizn' Pushkina v pamyati pokolenii: Kniga dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1989 (in Russian).
5. Frank S.L. O zadachakh poznaniya Pushkina // Pushkin v russkoi filosofskoi kritike, konets XIX – pervaya polovina XX v. M.: Kniga, 1990. S. 422–452 (in Russian).
6. Darskii D.S. Pushkin i Dostoevskii / Publ., vstup. st., komment. V.A. Viktorovicha // Iz istorii filologii: Sbornik statei i materialov k 85-letiyu G.V. Krasnova. Kolomna: KGPI, 2006. S. 171–192 (in Russian).
7. Mikhnyukevich V.A. F.M. Dostoevskii o Pushkine kak narodnom poete // Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta. 1999. T. 2. № 1. S. 22–29 (in Russian).
8. Tarasov F.B. Evangel'skoe slovo v tvorchestve Pushkina i Dostoevskogo. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2011 (in Russian).
9. Viktorovich V. Put' russkoi literatury ot Pushkina k Dostoevskomu // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal. 2018. № 1. S. 12–20. DOI: 10.22455/2619-0311-20181-12-20 (in Russian).
10. Zakharova O.V. Khristianskii smysl «Pushkinskoi rechi» Dostoevskogo // Problemy istoricheskoi poetiki. 2022. T. 20. № 2. S. 324–336. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC (in Russian).
11. Kireevskii I.V. Izbrannye stat'i. M.: Sovremennik, 1984 (in Russian).
12. Pushkin v prizhiznennoi kritike: V 4 t. SPb.: Gos. pushkinskii teatral'nyi tsentr, 1996–2008 (in Russian).
13. Belinskii V.G. Sochineniya Aleksandra Pushkina // Belinskii V.G. Sobr. soch.: V 9 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1981. T. 6. S. 74–492 (in Russian).
14. Gogol' N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami // Gogol' N.V. Sobr. soch.: V 9 t. M.: Russkaya kniga, 1994. T. 6. S. 5–193 (in Russian).
15. Kirpotin V.Ya. Dostoevskii-khudozhnik: Etyudy i issledovaniya. M.: Sovetskii pisatel', 1972 (in Russian).
16. Pushkin A.S. Aleksandr Radishchev // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. Izd. 4. L.: Nauka, 1978. T. 7. S. 239–246 (in Russian).

17. Annenkov P.V. Materialy dlya biografii A.S. Pushkina. M.: Sovremennik, 1984 (in Russian).
18. Annenkov P.V. Staraya i novaya kritika // Annenkov P.V. Kriticheskie ocherki. SPb.: Izd-vo RKHGI, 2000. S. 127–151 (in Russian).
19. Chernyshevskii N.G. Sochineniya A.S. Pushkina // Chernyshevskii N.G. Literaturnaya kritika: V 2 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1981. T. 1. S. 126–241 (in Russian).
20. Dobrolyubov N.A. Sobr. soch.: V 9 t. M.; L.: GIKHL, 1961–1964 (in Russian).
21. Druzhinin A.V. Literaturnaya kritika. M.: Sovetskaya Rossiya, 1983 (in Russian).
22. Viktorovich V.A. «Novaya mysl'» Dostoevskogo i Apollon Grigor'ev // «Chuzhoe: moe sokrovishche!»: sb. st. pamyati V.A. Kosheleva / Otv. sost. A.V. Koshelev. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2022. S. 278–284 (in Russian).
23. Grigor'ev Ap. Literaturnaya kritika. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1967 (in Russian).
24. Nosov S.N. Apollon Grigor'ev. Sud'ba i tvorchestvo. M.: Sov. pisatel', 1990 (in Russian).
25. Grigor'ev Ap. Estetika i kritika. M.: Iskusstvo, 1980 (in Russian).
26. Khomyakov A.S. Poln. sobr. soch. T. 8: Pis'ma. M., 1900 (in Russian).
27. Tarasova N.A. Ustanovlenie teksta na osnovanii grafologicheskogo analiza (na primere chernovykh rukopisei romana Dostoevskogo «Besy») // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal. 2019. № 2. S. 191–215. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-191-215 (in Russian).
28. Tikhomirov B.N. Kak pechatat' pushkinskii epigraf k romanu F.M. Dostoevskogo «Besy»? // Russkaya literatura. 2017. № 1. S. 245–246 (in Russian).